

ЛѢТЪ ПИСЬ ВОЙНЫ СЪ ЯПОШЕЙ

-72

ВЪ ЛѢТО ѿ РОЖАЕ'
СТВА ХРИСТОВА
1905, ѿ СЪТРО'
ВѢСІЯ МІРА
2413.

И. БИЛСИНЪ. 1904

ШТАБЪ 4-ГО АРМ. КОРПУСА НА ПОЗИЦИИ ВЪ ТРЕТІЙ ДЕНЬ БОЯ ПОДЪ МУКДЕНОМЪ.
ФОТ. В. БУЛЛА.

27 іюля—9 августа. Первое засѣданіе конференціи въ зданіи морского арсенала. Открыто въ 10 часовъ утра. Провѣрка полномочій. Выработка программы слѣдующаго засѣданія и обсужденіе вопроса, на какомъ языкѣ будутъ вестись дебаты. Постановлено, что переговоры должны происходить и протоколы засѣданій излагаться на французскомъ и англійскомъ языкахъ. Въ случаяхъ недоразумѣній предпочтеніе будетъ отдаваться тексту на французскомъ языкѣ. Около 1 часа дня русскіе и японскіе делегаты возвратились въ Wentworth Hôtel на разныхъ баркасахъ.

28 іюля—10 августа. Утреннее засѣданіе началось съ передачи ст.-секр. Витте барону Комурѣ ноты по поводу непредъявленія наканунѣ японскими уполномоченными своихъ вѣрительныхъ грамотъ. Нота эта внесена въ протоколъ засѣданія. Возраженій японцами не сдѣлано. Затѣмъ вопросъ о полномочіяхъ былъ рѣшенъ окончательно. Баронъ Кокура передалъ ст.-секр. Витте, заключенными въ бѣлую папку, требованія Японіи, изложенныя на французскомъ и на русскомъ языкахъ.

Рѣшено, что русскіе уполномоченные займутся изученіемъ ихъ и дадутъ письменный отвѣтъ на нихъ не позже, какъ черезъ 48 часовъ. Въ 12 час. 45 мин. засѣданіе закрыто.

Въ конференціи участвуютъ: со стороны Россіи—ст.-секр. Витте, баронъ Розень, де-Плансонъ, Набоковъ и Коростовецъ; со стороны Японіи—баронъ Кокура, Такахира, Сато, Пчізль и Деичи. Противъ участія профессора Мартенса японскими уполномоченными заявленъ протестъ. Послѣ завтрака японскіе уполномоченные удалились изъ морского арсенала, заявивъ, что вечернее засѣданіе не состоится.

Русскіе уполномоченные остались въ помѣщеніи конференціи и занялись обсужденіемъ предложеній Японіи. Шифрованной телеграммой онѣ сообщены по кабелю въ Петербургъ. Въ 7 часовъ вечера члены русской миссіи покинули морской арсеналь.

29 іюня—11 августа. С. Ю. Витте и баронъ Розень приняли приглашеніе на обѣдъ у товарища государственнаго секретаря Пирса. Ст.-секр. Витте сообщил барону Комурѣ, что отвѣтъ готовъ.

30 іюля—12 августа. Въ утреннемъ засѣданіи ст.-секр. Витте передалъ барону Комурѣ отвѣтъ на японскія предложенія, изложенный письменно. Засѣданіе продолжалось отъ 9 ч. 30 м. до 10 ч. 40 м. утра; возобновилось въ 3 часа дня и продолжалось до 7 часовъ вечера. Происходило по-статейное обсужденіе условий. Вечеромъ баронъ Кокура и Такахира обѣдали у товарища госуд. секр. Пирса. Въ Hôtel Wentworth прибыли представители двухъ крупнѣйшихъ банкирскихъ фирмъ Нью-Йорка.

31 іюля—13 августа. Засѣданія не было. С. Ю. Витте составилъ въ новой редакціи предложеніе по первому пункту условий и отправилъ проектъ его барону Комурѣ.

Портретная галлерей „Лѣтописи“.

Штабсъ-ротмистръ Цедербергъ.

5-го февраля прошлаго года я бродилъ по Курскому вокзалу въ ожиданіи скорого поѣзда на Иркутскъ. Шумно и людно было на вокзалѣ. Провожали генерала Ренненкампа, провожали адмирала Макарова. Я сидѣлъ одинъ, въ глубокой нишѣ, наблюдая эти грустно торжественныя сцены. Ко мнѣ подошелъ офицеръ и спросилъ — «это мѣсто не за-

нято?»—Нѣтъ,—коротко отвѣтилъ я,—офицеръ скинулъ пальто и сбѣлъ. На немъ была свѣжая коричневая шведская куртка, вся голова его была обрита. Глаза зоркіе, молодые, быстрые были примѣтнѣе всего. На его пальто были погоны 43-го Тверского драгунскаго полка. Онъ досталъ книжку и уткнулся въ нее, я сдѣлалъ то же и мы молчали.

На поѣздѣ мы оказались въ одномъ вагонѣ и послѣ Иркутска — познакомились. Это былъ окончившій Академію Генеральнаго Штаба штабсъ-ротмистръ Николай Николаевичъ Цедербергъ.

Въ дорогѣ онъ цѣлыми днями изучалъ по книжкамъ Маньчжурію и организацію военныхъ силъ Японіи; онъ на память зналъ число и расположеніе всѣхъ дивизій и, когда нами получались скудныя извѣстія о высадкахъ японцевъ въ Корей, онъ говорилъ—это такая-то дивизія, это такая. Странное впечатлѣніе производилъ онъ на насъ. Тогда, когда всѣ смотрѣли на эту войну, какъ на войну недолгую, колониальную, ѣхали на два—четыре мѣсяца, многіе не брали даже теплаго платья: не понадобится, дескать—онъ былъ убѣжденный поклонникъ японской организаціи и японской арміи.—«Это серьезная война»,—говорилъ онъ намъ,—«побѣдить японцевъ будетъ труднѣе, нежели побѣдить нѣмцевъ»... Затѣмъ, съ молодымъ пыломъ онъ излагалъ намъ планы войны, вспоминалъ изрѣченія Наполеона, Морица Саксонскаго, Евгенія Са-

войскаго, Фридриха и съ увлеченіемъ давалъ намъ уроки военной исторіи.

Въ Читѣ мы разстались. Онъ былъ прикомандированъ къ дивизіи ген. Ренненкампа — я ѣхалъ въ Ляоянь. Встрѣтились мы снова уже мѣсяць спустя, когда 21 апрѣля тронулись въ походъ на Саймадзы.

Штабъ генерала Ренненкампа былъ дружный, смѣлый и веселый штабъ. Самъ генералъ всегда бодрый, энергичный и веселый этому не-мало способствовалъ. Начальникъ его штаба, полковникъ Россійскій былъ человекъ обаятельный; затѣмъ генерала окружали капитанъ Шнабель, штабсъ-ротмистръ Це-

ВНОВЬ НАЗНАЧЕННЫЙ КОМАНДИРЪ
8-ГО АРМЕЙСКАГО КОРПУСА
ГЕН.-ЛЕЙТ. А. П. СКУГАРЕВСКІЙ.

НА БИВАКЪ. Фот. в. булла.

дербергъ, капитанъ Шульженко, сотникъ Толузаковъ, корнеты Козловскій и Гейзелеръ, докторъ Маноцковъ и военные агенты австрійскій — гр. Шептыцкій и испанскій — маркизъ де-Церта... Не богато, но товарищески дружно сжились мы всѣ, даже наши слуги — Долженковъ, драгунъ Войтекъ, австріецъ Франекъ, мой Орловъ, старикъ осетинъ Егоръ Петровичъ Джонтиевъ, тѣлохранитель Ренненкампа — составили такую же дружную, тѣсную семью.

Цедербергъ былъ общій любимецъ. Дорогой онъ пѣлъ намъ отрывки изъ оперъ и оперетокъ, оцѣнивалъ позиціи и нетерпѣливо ожидалъ японцевъ, постоянно приговаривая свою любимую поговорку — «пожалуйте въ залъ бриться»...

Иногда было холодно въ горахъ, сыпалъ мелкій унылый дождикъ, всѣ ѣхали нахохлившись, и вдругъ откуда-нибудь выскакивалъ забавнымъ галопомъ на «хунхузкѣ» Цедербергъ, въ шведской курткѣ на опашъ и, поводя плечами, напѣвалъ:

Ай и шуба, шуба-реть
Рукава коротки!
Ты не тронь мои бока —
Я боюсь щекотки.

И мы смѣялись и шутили надъ непогодой, надъ небогатымъ нашимъ житьемъ и бивуаками среди лѣсистыхъ скалъ отроговъ Фейшулинскаго хребта.

Наступилъ день нашего боевого крещенья. Мы завязали перестрѣлку съ японцами въ долину горной рѣчки Бадаохе. Генераль Ренненкампа съ штабомъ подскакалъ карьеромъ къ самой цѣпи; скрывшись за скалою, слѣдился и наблюдалъ за боемъ. Все пространство за скалою сплошь осыпалось пулями. Не было секунды, въ которую не падала бы въ воду рѣчки, прижимавшейся здѣсь къ скаламъ, пуля, или съ унылымъ свистомъ не прилетала другая на пахатное поле и не поднимала маленькую струйку пыли. Казалось, выдти туда — навѣрняка быть убитымъ. И вотъ понадобилось послать сотню сзади на флангъ для обхода.

— Штабсъ-ротмистръ Цедербергъ, — ровнымъ металлическимъ голосомъ произнесъ генераль Ренненкампа, — прикажите сотнѣ есаула Власова занять правая сопки и дѣйствовать во флангъ.

Лицо Цедерберга поблѣднѣло. Онъ спросилъ — передать ли приказаніе командиру полка, который былъ тутъ же недалеко, или самому Власову, который находился далеко вверхъ по рѣкѣ.

— Сотенному командиру, конечно, — рѣзко сказалъ Ренненкампа.

Мы со Шнабелемъ переглянулись. Намъ, первый разъ попавшимъ подъ пули, показало, что генераль посылаетъ Николая Николаевича на вѣрную смерть.

Цедербергъ сѣлъ на своего сѣрага, поскакалъ ровнымъ галопомъ и передалъ приказаніе. Черезъ десять минутъ, веселый и счастливый, онъ вернулся къ намъ. Генераль поблагодарилъ его, онъ слѣзъ и остался при немъ. Бой продолжался, мы наступали...

Съ каждымъ днемъ довѣріе генерала къ штабсъ-ротмистру Цедербергу возрастало. Когда мы дѣлали второй набѣгъ къ Куаньденсяну, когда ходили на Чжанъ-чанъ генераль оставлялъ Цедерберга въ Саймадзахъ комендантомъ.

— Когда Цедербергъ въ Саймадзахъ, говорилъ генераль, я могу быть спокоенъ за свою базу.

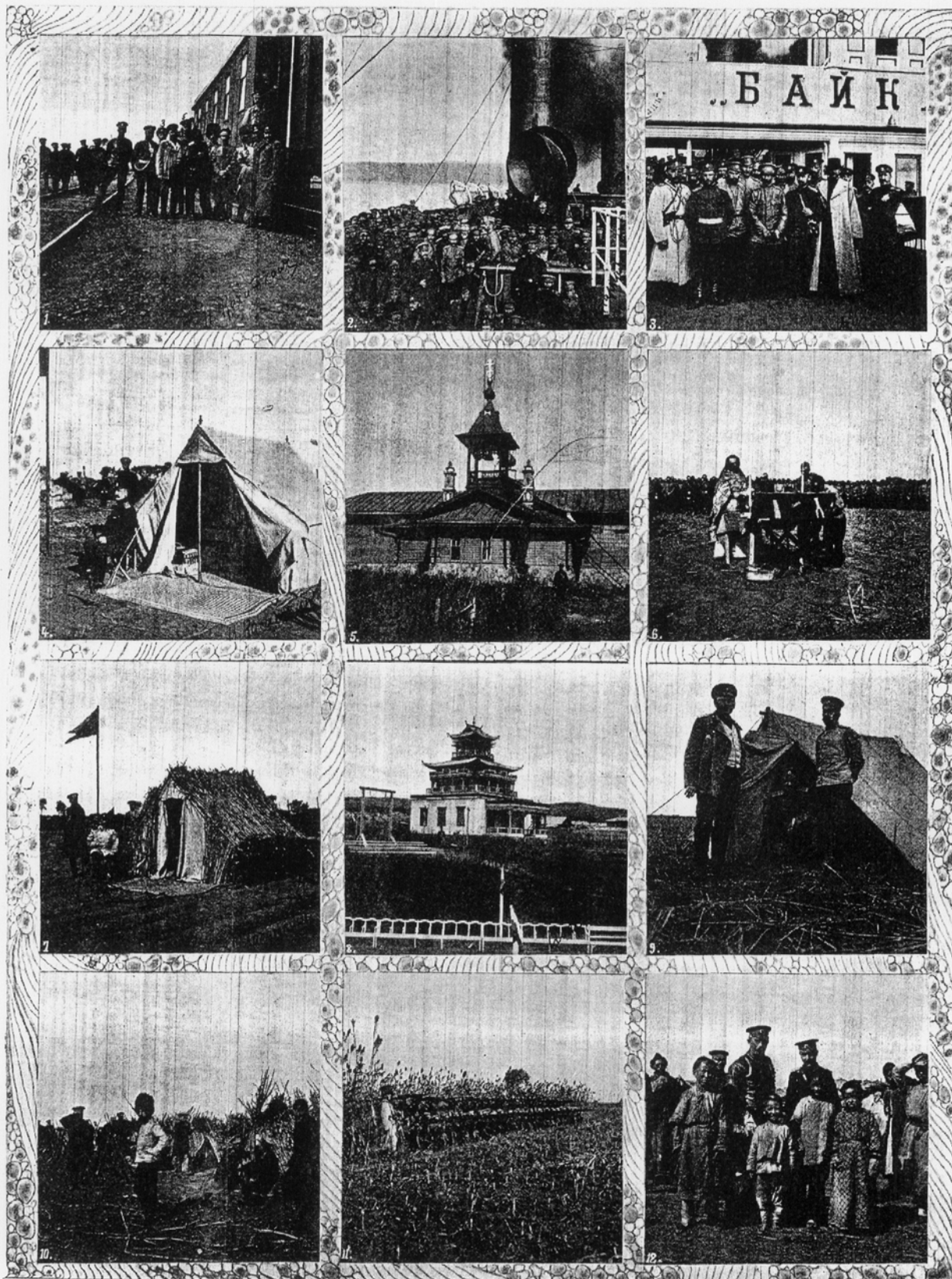
А Цедербергъ, искусно расположивъ заставы и секреты, ожидалъ того счастливаго момента, когда японцы пожаловали бы на Саймадзы, чтобы сказать имъ — «пожалуйте въ залъ бриться».

Воспитанникъ Тифлисскаго корпуса, уроженецъ Кавказа, онъ зналъ и любилъ горы. 21 мая онъ, находясь со слѣженными казаками на флангѣ, увлекся боемъ, не послѣдовалъ за нами и остался въ тылу у японцевъ. Когда генераль Ренненкампа узналъ, что Цедерберга нѣтъ, онъ повернулъ назадъ, потребовалъ двѣ сотни изъ резерва и завязалъ новый бой, чтобы вернуть этого доблестнаго офицера. Часа три длилась перестрѣлка, но Цедерберга не оказалось, и мы вернулись печальные, считая его погибшимъ. Но часть его еще не пробилъ. Мы нашли его зеленовато-блѣднымъ, измученнымъ усталостью въ Саймадзахъ. Вотъ, что онъ намъ рассказывалъ:

— Пользуясь завязавшейся перестрѣлкой, я пошелъ съ двумя казаками въ кусты и скоро выбрался на флангъ японской цѣпи. Въ это время перестрѣлка стихла. Я началъ отходить, но сзади меня уже были японцы. Тогда мы по самому гребню побѣжали впередъ. Но какіе-то китайцы, вооруженные ружьями, преградили намъ путь и одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ шаговъ съ четырехсотъ въ меня. Тяжелая, большого калибра пуля прошелестѣла у меня мимо ушей. Я сталъ на колѣно, выцѣдилъ одного и спустилъ курокъ. — «Ваше благородіе, упаль, убили!» — услышалъ я голосъ сзади, китайцы бѣжали, легче стало на душѣ. Мы вышли на опушку лѣса, я раздвинулъ кустарникъ и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя увидалъ бивакъ японскаго баталіона. Одни варили что-то, другіе строили окопы, третьи отдыхали... Но разглядывать долго не пришлось. Откуда-то взялись китайцы и стали показывать японцамъ въ нашу сторону. За нами началась погоня. И мы бѣжали, задыхаясь, карабкались на горы, падали, вставали и снова бѣжали... — «Не могу больше», слышалъ я голоса казаковъ. — «Бѣги, а то хуже будетъ, въ плѣнъ возмутъ» — и мы бѣжали снова, преслѣдуемые выстрѣлами. Но вотъ, погоня ослабѣла, мы замедлили шаги, выбрались на тропинку, прошли по ней съ версту и оказались у Саймадзы».

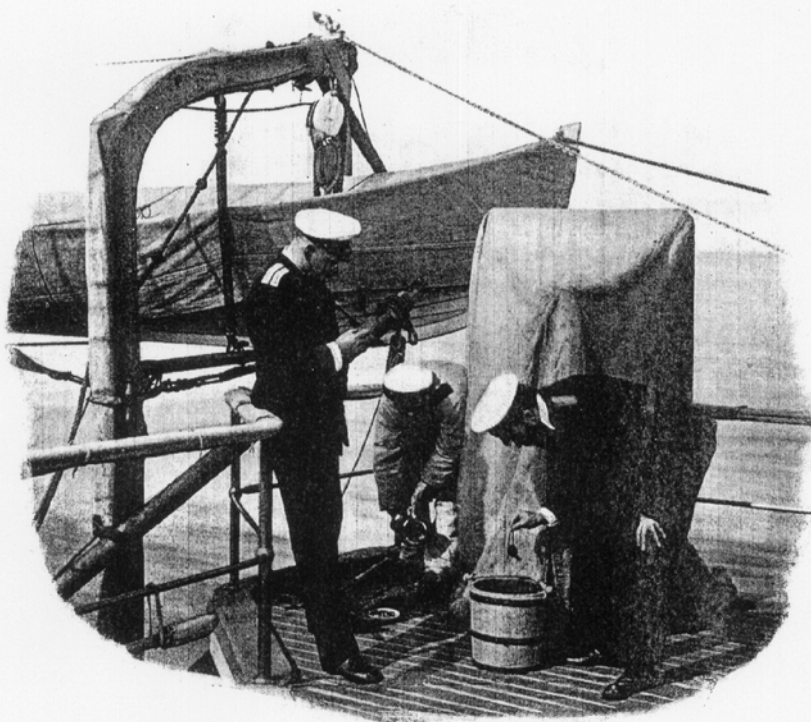
Благодаря случайности открыта была тропинка, выводившая въ тылъ японскаго расположенія. Штабсъ-ротмистръ Цедербергъ умолялъ генерала Ренненкампа дать ему людей для охотничьяго нападенія по этой тропинкѣ.

Съ этого дня Николай Николаевичъ вошелъ во вкусъ войны. Теорія получила для него практическое примѣненіе: — онъ увлекался войною, не глядя на опасность.

1. 1-й бат. 220-го пѣх. епифанскаго полка по пути на войну. 2 и 3. на ледоколѣ «байкаль». 4. бивакъ у дер. хуанъ-гуанъ-тунь, командиръ полка полк. л. а. пономаревъ. 5. русская православная церковь въ гунчжулинѣ. 6. молебенъ наканунѣ наступленія у дер. хуанъ-гуанъ-тунь. 7. ставка командира полка у дер. хуанъ-гуанъ-тунь. 8. дацанъ въ гор. чить. 9. офицерская палатка на бивакѣ. 10. 3-я рота 1-й див. хуанъ-гуанъ-тунь, посреди команд. роты капитанъ м. л. арнольди. 11. 3-я рота на опушкѣ въ гаолянѣ. 12. на китайскомъ базарѣ въ цицикарѣ.

По фотогр. подпоручика И. К. Касаткина, изъ дѣйствующей арміи.

ОСМОТРЪ ДОБЫЧИ, ПОДНЯТОЙ СО ДНА МОРЯ.

Не разъ мы говорили о смерти. Шутя, распредѣляя Николай Николаевичъ между нами свое имущество—«сѣраго», «хунхузку», вьюкъ, сѣдло. Было ли это предчувствіе—трудно сказать. Мы всё часто говорили о смерти и всё—шутя...

9 іюня было днемъ триумфа Николая Николаевича. Здѣсь уже вполнѣ сказалось его глубокое пониманіе боевой обстановки, хладнокровіе и рѣшимость. Шесть забайкальскихъ казачьихъ пушекъ, 23-й вост.-сиб. стрѣлковый полкъ и нѣсколько спѣшенныхъ сотенъ казаковъ сдерживали натискъ японской бригады, наступавшей съ 18-ю орудіями со стороны Айянамыня. Перевѣсъ противника былъ настолько великъ, что батарея молчала и всё усилія генерала Ренненкампа были направлены къ тому, чтобы додержаться до темноты и увезти свои орудія. Японцы чувствовали это и напирали жестоко. Въ самую тяжелую минуту приходитъ съ тыла донесеніе, что полкъ японской пѣхоты обходитъ нашу позицію съ тыла—генераль Ренненкампфъ не повѣрилъ этому донесенію и не сошелъ съ мѣста. Наступилъ вечеръ. Видно было, какъ сгущались цѣпи японцевъ, они готовились къ атакѣ нашихъ окоповъ. Въ тылу безпокойство затихло, но сейчасъ же справа есаулъ Шундѣевъ донесъ, что на участкѣ праваго фланга, за убылью ротныхъ командировъ, некому руководить боемъ. Правый флангъ былъ ключомъ нашей позиціи. Генераль Ренненкампфъ оглянулся, ища поддержки въ

на нашъ правый флангъ.

А Цедербергъ молчитъ. Тихонько обходитъ онъ своихъ стрѣлковъ и успокаиваетъ ихъ. И вотъ длинная, тонкая цѣпь въ четырехстахъ шагахъ отъ стрѣлковъ—тогда-то Цедербергъ открылъ огонь пачками. Японцы дрогнули, стали падать, еще минута и японцы побѣжали назадъ. А въ это время потихоньку, на рукахъ спускали съ горной кручи орудія и увозили ихъ долой съ позиціи.

Отрядъ отступилъ, увезя всё пушки, подобравъ всёхъ раненыхъ и убитыхъ. Генераль Ренненкампфъ горячо благодарилъ Цедерберга за это дѣло и представилъ его къ ордену св. Владиміра 4-й степени.

Но получить его Николаю Николаевичу такъ и не пришлось.

29 іюня въ отрядѣ праздновали полковой праздникъ, были именины начальника отряда—все прошло очень скромно—не было ни вина, ни ѣды. 30 іюня противникъ сталъ насѣдать на насъ, мы отступали. Бой былъ незначительный, но стоилъ намъ пяти офицеровъ. Былъ раненъ генераль Ренненкампфъ, смертельно раненъ есаулъ Власовъ, раненъ есаулъ Энгельгардтъ, легко раненъ есаулъ Поповицкій и убитъ Цедербергъ. Японская рота взяла подъ перекрестный огонь нашъ арьергардъ. Генераль, какъ всегда при отступленіи, шелъ сзади всёхъ. Неотступно за нимъ шелъ его штабъ. Вдругъ Цедербергъ упалъ... Упалъ и сейчасъ же всталъ, хотѣлъ что-то сказать, схва-

своемъ штабѣ, и сейчасъ же къ нему подошелъ штабсъ-ротмистръ Цедербергъ.

— «Ваше превосходительство, — пошлите меня, сказалъ онъ.

— Отлично! Благодарю васъ, но будьте крепомъ; пока я не свезу орудій, ни шагу назадъ...

— Слушаюсь...

И пошелъ.

Наступило томительное ожиданіе. Медленно, ощупью наступали японцы, обшаривая каждый шагъ своими шрапнелями и ружейнымъ огнемъ по площадямъ. Жутко было стрѣлкамъ. Между тѣмъ солнце спускалось за горы, теперь наши позиціи были въ тѣни, зато на японцевъ ярко ложились отблески кроваваго заката. Еще полчаса и орудія забайкальской батареи спасены. Но близко и японцы. Ихъ батальонъ уже вышелъ на равнину и бѣгомъ пошелъ

тился за грудь и упалъ ничкомъ уже мертвый. 1 іюля его похоронили въ предгорьяхъ Фейшулина, ввиду японскихъ передовыхъ цѣпей¹⁾.

П. Красновъ.

Положеніе сторонъ къ 1 августа.

Съ половины іюля мѣсяца въ Манчжуріи начался періодъ дождей, который, по словамъ мѣстныхъ жителей, долженъ продлиться, съ небольшими перерывами, приблизительно до половины августа мѣсяца. Безъ сомнѣнья, боевыя дѣйствія въ этотъ періодъ поневолѣ должны ограничиваться лишь перестрѣлками на передовыхъ постахъ, засадами, а изрѣдка, при удобномъ случаѣ и благопріятной погодѣ, болѣе глубокой развѣдкой.

Таковъ именно и былъ характеръ военныхъ дѣйствій на фронтѣ нашихъ армій за истекшую половину мѣсяца. До 20 іюля дожди совершенно препятствовали какимъ-либо военнымъ операціямъ. Но затѣмъ 20 и 21 іюля наступившая хорошая погода сразу внесла оживленіе въ боевую дѣятельность передовыхъ частей противниковъ. Дороги нѣсколько обсохли — и повеселѣвшія казачьи сотни въ тотъ-же день заманиваютъ въ долины рѣки Као-хэ японцевъ на засады, въ то время какъ другой отрядъ, быстро продвинувшись до с. *Лайсунченцзы* на берегу р. Као-хэ (въ 8 верстахъ къ востоку отъ с. *Нанченцзы*), обстрѣливаетъ здѣсь отрядъ японцевъ, прикрывающій переправу черезъ рѣку. Вмѣстѣ съ тѣмъ

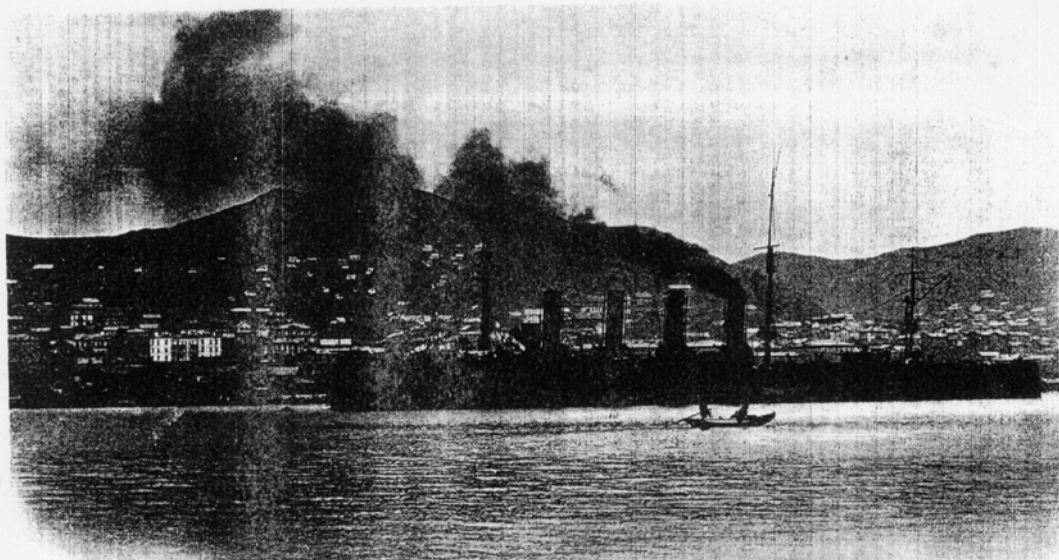
¹⁾ Портретъ шт.-рот. Цедерберга помѣщенъ въ № 18 «Лѣтописи».

возобновились и развѣдки японскаго расположенія на путяхъ отъ Синцзинтина и Синьминьпу къ Хайлунчуну, т. е. въ районѣ расположенія арміи генерала Кавамуры (см. схему въ № 68).

Утромъ 20 іюля небольшой нашъ отрядъ, состоявшій изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, двинулся по направленію къ с. *Шимяоцзы* и вскорѣ достигъ с. *Наньшанченцзы* (на дорогѣ черезъ Уфанлоу въ Синьминьпу), гдѣ и завязалъ перестрѣлку съ японскимъ сторожевымъ охраненіемъ, которое къ часу дня отошло къ подготовленной раньше позиціи на ближайшихъ высотахъ. Однако, выбитые и отсюда, японцы угрожаемые съ фланговъ, принуждены были очистить всю передовую позицію и отступить къ главнымъ своимъ силамъ, бивачные огни которыхъ указывали расположеніе главной позиціи. На слѣдующій день рекогносцировка продолжалась такъ же успѣшно и позиціи противниковъ обслѣдовалась до тѣхъ поръ, пока нашъ отрядъ не получилъ приказанія отойти къ своимъ резервамъ.

Подобныя-же развѣдки были въ эти дни произведены и къ востоку отъ большой Мандаринской дороги изъ Телина въ Итунчжоу; одинъ изъ нашихъ передовыхъ отрядовъ достигъ здѣсь 20 іюля с. *Лангунченцзы* (въ 18 верстахъ къ югу отъ Таулу) и обстрѣлялъ переправу черезъ р. Чинзи-хэ.

23 іюля, одинъ изъ нашихъ развѣдочныхъ отрядовъ, двинувшись къ перевалу *Шахелинъ* (между рѣками Као-хэ и Цин-хэ), достигъ с. *Чагоу*, а другой отрядъ въ тотъ-же день занялъ с. *Юланьцзы* (на дорогѣ въ Синьминьпу).

КРЕЙСЕРЪ «РОССІЯ» НА ВЛАДИВОСТОКСКОМЪ РЕЙДѢ.